

Горе и счастье

В четвертый раз мы встречаем Новый год в разлуке с нашими близкими. Не вино жжет наше небо—соль слез, желчь обиды. Но теперь мы вправе сказать друг другу: самое страшное позади. Розовеет небосвод, и впереди победа, первое утро голубого мира.

Вспомним: немцы были на Волге. Вспомним: немцы были в Египте. Вспомним: как охрипший шакал, лаял над добычей «фюрер». В подмосковных деревнях упрямые солдаты России отбивали атаки врага. Они не думали о Берлине, они хотели одного: прикрыть собой Москву. Год спустя был Сталинград. С левого берега Волги были видны пожары, и с левого берега Волги подходы к Сталинграду. Видели смерть. Они не мечтали о Восточной Пруссии, они знали, что враг зашел очень далеко—он карабкался на вершины Кавказа, он носился по приволжской степи. Советские люди шли на смерть, чтобы остановить врага.

Мы не забудем годы горя. Встречая 1942 год, мы улыбались первой надежде: освобождена Калуга. На пороге 1943 года мы радовались: немцы окружены у Сталинграда. Да и год тому назад мы не думали о Будапеште, мы говорили: наши в Житомире! Ненасытные годы пожирали нашу молодость, наших детей. И вот новая цифра: 1945... Теперь мы можем смотреть на карту без горечи. Мы можем говорить о сроках без самообольщения. Мы выбрались из заколдованного ужасного леса, мы на опушке, и мы уже видим конец.

Один немецкий журналист, желая успокоить своих соотечественников, пишет: «Если подсчитать, выяснится, что за истекший год мы потеряли меньше, чем это кажется». Они лгут и на смертном ложе. Считать так считать! За истекший год они потеряли Правобережную Украину, Крым, Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию, Молдавию. Из 17 европейских столиц они за год потеряли 10. Из 4 своих союзников они потеряли трех. Они потеряли столько «Тигров» и «Мессершмитов», столько генералов, обер-лейтенантов и фрицев, что их не сосчитать всем счетоводам Германии. Они потеряли надежду. Ведь еще год тому назад они были у самого Ленинграда. Они хозяйничали в Риме. Они зимовали в Марселе и в Одессе. Они отдыхали в Париже и в Афинах. Они еще держали в своих лапах Европу. А теперь Красная Армия в Югославии, в Венгрии, в Чехословакии, в Норвегии, в Пруссии. А теперь союзники в западной Германии. Хищник бросил добычу. Огрызаясь, он хочет спасти свои когти, клыки. Тысяча девятьсот сорок пятый будет последним годом великой трагедии, и он будет последним годом гитлеровской Германии.

На что надеются немцы, отчаянно сопротивляясь в Венгрии, контратакуя в Бельгии, посылая в бой новые дивизии, наспех приготовленные из соскребшей? Ведь как ни туп фриц, не может он теперь верить в победу. Но он рассчитывает. Он полагает, что если задержать судей на пороге суда, судьи разойдутся. Глупые надежды! Скорее реки потекут вспять, скорее старики станут детьми, чем забудем мы пережитое. Кто видел пепел Белоруссии,—найдет факельщиков. Кто видел Бабий Яр—разыщет детоубийц. Мы слишком много видели, чтобы остановиться на полпути. Мы слишком много пережили, чтобы не побывать в Берлине!

На картинках жизнь кажется подстриженной,

гладкой, одинаковой. А была у каждого из нас своя жизнь, теплая и косматая, как шерсть, были свои привычки, свои привязанности, свои увлечения. Закрыв глаза, вспомним: улица, дома и в новогоднюю ночь светились все эконо, и можно было заглянуть в окно, увидеть разное—и детей вокруг елки, и девушку у зеркала, и семью за круглым столом, и старого мечтателя *с книгой; и не походили дома Киева на дома Иркутска, и в Полтаве пели иначе, чем в Вологде, и по-другому выглядели девчата; и все это было жизнью. И если болел ребенок корью, мать не спала ночей; лучшие люди боролись против смерти. Все мы гордились построенными домами, выращенными деревьями. Нужно все помнить, солью посыпать раны сердца, чтобы они до времени не зарубцевались. Забудет ли мать погибшего сына? Забудет ли солдат тепло своего развешенного счастья? Забудут ли смоляне сжженный Смоленск? Забудем ли мы прошлое? Нет! И напрасно немцы рассчитывают на нашу забывчивость. Они ворвались к нам. То лето, то воскресенье, то утро мы вспомним в Берлине. Сорок пятый ответит на сорок первый.

Мы хотим покончить с фашистской Германией, чтобы наши дети не узнали такого горя. Мы слишком любим жизнь, чтобы оставить на земле источников Майданека. Мы слишком дорожим миром, чтобы пощадить захватчиков. Мы идем к ним за ключами и за костями. Только тогда мы успокоимся, когда наденем на немецкую ведьму смиренную рубашку. Мы успокоимся только в Берлине.

Праздновать рано, предстоят тяжелые бои. Сжат рот России, сухи глаза, ей не до шуток. Мы поклялись нашим погибшим друзьям, мы поклялись нашим детям не сложить оружия, пока не покончим со злодеями. Человеческое сердце устроено так, что тяжелее всего в последнюю четверть часа перед развязкой; можно пройти сто верст, а самые трудные—последние сто шагов. Нам предстоит еще испытания. Но мы дойдем, обязательно дойдем, и не будет немцам отсрочки—мы покончим с ними в этом году. Можно оттягивать, если ты смотришь на горе издали, если тебя не ждут близкие. А мы воюем четвертый год. Наши солдаты заждались и дети, и девушки, и наши дома. Их заждались Родина, она хочет жить, расти, думать, смеяться, сверкать тысячами огней. Встречая Новый год, скажем смело друг другу, что мы стосковались по живой настоящей жизни, и вот именно поэтому мы в 1945 году добьем немцев.

Прежде говорили: с Новым годом, с новым счастьем! Может быть тогда мы и не знали, что такое счастье. Нужны были годы в окопах, в блиндажах, в землянках, в грязи, в снегу, в крови, нужно было хлебнуть горя, потерять братьев, сына, друга, чтобы понять простое слово: «счастье». Мы говорим теперь: счастье будет, большое человеческое счастье, когда солдат, вернувшись с победой, обнимет жену, возьмет на руки сына, оглядит знакомые с детства дома, деревья, увидит родные лица. Счастье будет, настоящее счастье, когда вспыхнут огни городов, когда перестанут женщины в тоске спрашивать: «Есть ли письмо?», когда длинный летний день подметается над зреющими нивами. Счастье будет, счастье победы, и теперь мы скажем: с Новым Годом, с годом победы!

Илья ЭРЕНБУРГ.

Фотоэпюд А. Богданчикова.

ТРИ ТОСТА

Струится полночь светом звезд
И медью бьет в часы.
Мы поднимаем первый тост
За тех, кто пал в боях.
Мы перед ними все в долгу—
Они костями легли,
Чтобы сторицею врагу
Мы отплатить смогли.
Мы поднимаем первый тост
В суровой тишине.
И только горечь вдовьих слез
Мы чувствуем в вине.
Веселой звездною игрой
Искрится Новый год.
Мы поднимаем тост второй
За всех, кто немцев бьет.
За Сталина, что нам сейчас
Всех ближе и родней.
Что научил сражаться нас
Всех лучше и смелей!
Сегодня выпить нам не грех
За маршалов своих,
За генералов и за всех
Героев—рядовых.
За тех, кто лам мечи кует,
За жен и матерей,
Кто все, что может отдает
Для армии своей.
За тех, кто нам детей растит,
Разлукою томим,
И вместе с нами немцу мстит
Геройством трудовым.
Четвертый раз, четвертый раз,

Встречая Новый год,
Не видим мы любимых глаз,
Где нежность к нам живет.
Разлуки горечь есть на дне,
Но дорог тост второй.
Мы, кроме горечи, в вине
Находим вкус иной.
То—сладость доблестных побед,
Одержанных в боях.
Их не отнять, их светлый след
Останется в веках.
Свободна ныне от врага
Отчизна навсегда.
В огне—чужие берега,
Чужие города.
Сверкает ярче россыпь звезд,
Как в сказке, ночь поет.
Мы поднимаем третий тост
За этот Новый год.
В нем будет много светлых дней.
Хорошей тишины,
В нем будет—лучший для
людей—
Последний день войны.
Мы поднимаем третий тост,
Счастливые вдвойне.
В бокале блещет россыпь звезд,
Нет горечи в вине.
Победа! За ее приход,
За наших флагов шелк!
Она близка, она придет,
Раз год ее пришел!
Николай КОРНЕЕВ.

Взглянем вперед!

Великий русский писатель Алексей Максимович Горький говорил, что если труд любишь, он будет радостен. Любовь к труду возбуждает инициативу, желание работать лучше, делает самый труд более производительным.

Занимаясь много лет педагогической работой, я хочу сказать несколько слов о той притягательной силе учительского труда, которая всегда делала его для меня близким и увлекательным.

Велика роль народного учителя в жизни нашей страны. Ему доверили воспитывать многомиллионную армию советских детей, нашу растущую смену, наше славное будущее. И я горжусь сознанием, что нахожусь в рядах тружеников на ниве народного просвещения, работающих не только для настоящего, но и для будущего!

Неиссякаемая притягательность педагогического труда заключается для меня в живом общении с молодежью, и мне кажется, что учитель, любящий свое дело, не стареет душой: в живительном источнике детской жизнерадостности обновляются его силы.

Посещая школы, я люблю бывать в классе семилеток, который, как живая мозаика цветущего луга, находится в привлекательном движении, где детская

сосредоточенность сменяется улыбкой, радостным возбуждением. Учитель управляет этим движением, он воспитывает, формирует нового человека.

Взглянем вперед, товарищи!

Мысленным взором окидываю я путь восхождения к высотам знаний, по которому направит своих питомцев учитель. От первой буквы «А», от неуверенных первых детских каракуль—к выразительному, сознательному чтению, к правильному красивому письму, к дальнейшему обогащению знаниями. Перед моим взором открывается безбрежная панорама будущего, когда малыши вырастут и войдут в культурную армию работников советского государства, чтобы крепить мощь нашей великой родины. В классе находятся будущие летчики, врачи, инженеры, педагоги, агрономы, общественные работники, станковцы заводов и полей.

Когда думаешь обо всем этом, на душе делается светло и приятно. Ведь в этих людях, в их славном труде для родины много лет будет жить и учитель.

Помню, как больше 20 лет тому назад я встретил на улице сироту С. Букреева. Хороший мальчик с застенчивой улыбкой, какая часто бывает в детстве, он, как выяснилось в разговоре, хотел учиться, да некому было его

определить в школу. Я помог ему в этом, он стал учиться в школе, которой я заведывал.

На днях, узнав из газет о том, что меня наградили орденом Ленина, он прислал мне с фронта письмо, в котором пишет, что он майор, имеет правительственные награды. «Вы развивали меня, растили, как садовник дерево,—пишет он,—и теперь я на широком жизненном пути, который мне открыли вы».

Какая это большая награда для учителя, какое удовлетворение от своего труда!

В связи с этим как велика и ответственность за воспитание детей перед родиной.

Мы всегда, воспитывая ребенка, представляли себе каким он должен быть, когда вырастет, и естественно заглядывали в будущее своей страны. Мы знали: будет войны, и мысленно определяли место своих воспитанников в рядах защитников отечества. Так и вышло. Воспитанное советской школой поколение в грозные дни Отечественной войны с честью выдержало перед своим народом и всем миром суровый экзамен.

Выдержали вместе с тем экзамен и наша советская система воспитания и мы, учителя.

Вот что пишет мне с фронта окончивший в 1941 году Курское педучилище Каменский И. И., ныне красный командир, награжденный медалью «За отвагу» и орденом «Красной звезды».

«Как сейчас я помню ваши уроки, на которых, обогащая нас знаниями, вы в то же время воспитывали в нас мужество, любовь к советской родине. В огне войны, в многочисленных схватках с душителями нашей свободы я сражаюсь храбро, постоянно воодушевляясь мыслью, что родина зовет, родина требует, поэтому надо сделать все, чтобы отстоять ее независимость».

В пламенном стремлении сокрушить врага, отстоять честь и свободу советской страны учитель с удовлетворением отмечает долю своего участия, свою плодотворную работу. В этом источник его силы, его радости и счастья, в этом его слава, которая войдет в историю нашего народа.

Когда после фашистского нашествия наша область оказалась сильно разоренной, учителю пришлось работать в исключительно трудных условиях, но он во имя любви к своему делу, к родине смело пошел на преодоление трудностей. Он знал, что его усилия нужны не только для настоящего, но и для будущего.

В школах Поньровского, Обоянского, Дмитриевского, Ракитянского и других районов не хватало букварей, не было грифельных досок.

Учителя печатали буквари ручным способом, на оберточной бумаге, на листах старых неужных газет. Взамен грифельных досок были сделаны фанерные и тесо-

вые дощечки, на которых ученики учились писать, решали задачи по арифметике.

И научились! Дети овладели навыками чтения и письма.

Пройдут годы, утихнет гроза военной непогоды, залечатся нанесенные стране раны, многое забудется, но этот самоотверженный труд учителя будет у наших теперешних школьников долго жить, как яркий пример патриотической заботы о культуре молодого поколения.

Хвала и честь таким учителям, среди которых я вижу и своих питомцев. Они живут для родины, и мне, старому учителю, хочется подольше идти вместе с ними в общих рядах.

Благородный труд учителя высоко ценится в нашей стране. Народного учителя всегда окружает безграничная забота партии, правительства и товарища Сталина. Недавно более 5000 учителей награждены орденами и медалями. Это большой незабываемый праздник. Высокая оценка заслуг учителя перед родиной, в том числе и моего скромного труда, воодушевляет меня, не щадя своих сил, беззаветно трудиться на благо нашей прекрасной советской страны, для ее будущего.

П. СТАРОВОРОВ,
директор Курского института усовершенствования учителей.